

«Свадьбу» играли 26 дней

Фильм будет называться «Джокер», именно так: с твердым знаком на конце, потому что действие происходит в начале прошлого столетия. Это музыкальная комедия по мотивам пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского».

Музыку специально к фильму написал молодой композитор Александр Шевцов. Все имеет свою некую историю даже в моей скромной судьбе. Дело в том, что я в третий раз берусь за эту вещь.

Первый раз — в восьмидесятом году, когда я должен был ставить «Свадьбу» в Театре сатиры с Ширвиндтом в главной роли. Но мы, что называется, не совпали тогда с театром.

Почему? Причины были всяческие... К примеру, для живого оркестра в театре не нашлось радиомикрофонов! Пройли годы, и когда Ширвиндт возглавил Театр сатиры, он предложил мне что-нибудь у него поставить.

Так появился спектакль «Игра» по «Свадьбе Кречинского» на музыку Колкера. А теперь я решил завершить свою историю с Кречинским — фильмом.

Кречинский — это ловец душ, это безбожник, это человек нищенского толка, человек вседозволенности, человек-джокер, который как джокер гонится за любовью и игрой.

Мне предстояло найти Кречинского в поколении 40-летних. Потому что, например, Янковский стар для Кречинского. Даже Абдулов уже стар! Это действительно проблема человека именно 40 лет, который пока находится на пике, но вот-вот начнется спуск.

Мне нужен был мужчина, сильный мужчина с явными первичными признаками пола. И я вычислил Михаила Ефремова. Я считаю, что у него выдающийся актерский талант.

Другое дело, что этот талант, хотя не мне это обсуждать, он порой зарывал в землю в силу своего очень непростого характера. Но тем не менее мы с ним стоворились. Это будет двухсерийный телевизионный фильм.

Сейчас монтирую, потом буду озвучивать, оформлять и к концу октября планирую закончить. Сделан «Джокер» на деньги мэрии Москвы. Деньги небольшие, а нужен был роскошный постановочный фильм.

Смета — 200 тысяч долларов, а это очень мало, если учесть, что сейчас хороший клип стоит 50 тысяч. А у меня только внутри фильма несколько таких клипов!

Я сделал эту картину за 26 рабочих дней. Это рекорд даже для меня, быстро снимающего режиссера! Я, например, снял «Безымянную звезду» за месяц и 20 дней, «Покровские ворота» за три месяца... «Тень» я снимал чуть подольше, зато картину «Ужин в четыре руки» — за 6 дней.

Правда, она вся снята в одном павильоне. Тут Михаил Михайлович включает музыкальный центр, звучит музыка из нового фильма и... режиссер начинает приплясывать, делая большие глаза и захватывая выдвигающую палец кверху: «Я там такую турневицину развел! Все в панамках, в белых платках, детишки на зеленой травке резвятся... Ужас!»

Судя по всему, вы довольны результатом. Я не женщина, чтобы быть довольной, когда тебя удовлетворяют. Но у меня хорошее настроение. Мне кажется, что мы сделали очень красивый фильм, и никто просто не почувствует, на какие ничтожные деньги он сделан.

Пришло время Лира? Знаю, вы сейчас релантируете в «Моссовете» Лира? Я мечтал об этой роли много лет. В свое время я переиграл массу шекспировских ролей: играл Гамлета, Полония, играл даже тень отца Гамлета... Вот вырос и до Лира. Пора! Мне 68 лет.

Говорят, ваш с режиссером Павлом Хомским «Лир» весьма современен. В спектакле будут звучать Шостакович, Фредди Меркьюри. Возможно, Высоцкий. Замечательный макет сделал Борис Бланк — там такие контуры мегаполиса, где удавливаются Таурэский мост, небоскребы, свалка старых автомобилей, карет, рыцарских доспехов, чего угодно.

А когда премьера? С божьей помощью, или ЕБЖ, как говорил Толстой, где-то в феврале-марте.

Ответ себе честно Вы невероятно опытный человек. Михаил Михайлович. Достаточно.

Грехи и сантименты Михаила Козакова

Михаил Козаков — человек-мгновенье: едва закончив снимать фильм, он улетает на Кипр сниматься как актер, а, вернувшись — транзитом через театр, — спешит в монтажную... Новым фильмом Михаил Козаков ставит точку в своем многолетнем романе с Сухово-Кобылиным. Исключительно для читателей «Вечерней Москвы» Козаков согласился дать это интервью, в котором и размышления о только что снятом фильме, и воспоминания о прошлом, и планы на будущее, и все такое прочее.

Век. Москва — 2002 — 12 сент. с. 6

С дочерью Зоей

Я ему ответил: Про Гафта рифмовать зачем? Гафт не рифмуется ни с чем. Про Гафта рифмовать — сплошное наказание: Он для актеров что антисемит, А песему — достоин обрезания.

На самом деле мы с ним очень любим друг друга и знакомы с 53-го года.

— Великие поэты для вас? — Александр Сергеевич! Выше всех, выше крыши. Потом XIX век — Тютчев, Лермонтов. XX век — это четверка: Мандельштам, Пастернак, Цветаева, Ахматова. Дальше Тарковский, Самойлов, Заболоцкий, и дальше — гений Бродский. Гений не потому, что он лучший поэт, он гений как явление. Но это не значит, что я не люблю, например, Есенина. Я его в пьяном виде всегда читаю. Когда у меня мрак и пьянство.

— «Черного человека»? — Не обязательно. Больше я любил такое: «Розу белую с черной жабою я хотел на земле повенчать»... — А прозу пробовали писать?

— Я тут сделал одну публикацию о том, что был связан с КГБ, с отделом по работе с иностранной разведкой. Это самый большой грех, который у меня был в жизни. Нет, я не был стукачом или сексотом, но просто я считаю,

Я ПРИГЛАШЕННЫЙ ГОСПОДИН

— А вы молодых актеров вообще замечаете?

— А как же! Чтобы найти новое лицо, мне даже приходится смотреть по телевизионным сериалам!

— Даже? А сами не подумываете поставить сериал?

— Нет, никогда! И играть в них не буду!

— С работой все более или менее ясно. А как вы отдыхаете?

— Когда работаю. Впрочем, я иногда отдыхаю с детьми, к сожалению, очень мало. Дома люблю сидеть, слушаю музыку.

— Есть в доме любимые уголки?

— А вот, как раз где вы сидите на диване. Вообще эта комната — мое любимое место на земле.

— А любимые предметы?

— Они все вокруг — пластинки, книги, фотографии моих друзей.

— Когда я вошел, у вас звучал Бах.

— Это один из любимейших моих композиторов. Я даже немного успел полюбить Баха в спектакле. А вообще я люблю джаз, симфоническую музыку, люблю смотреть видео, причем не обязательно художественные фильмы. Мой самый любимый фильм — о Рихтере, французский. Он называется «Рихтер непокоренный». Это гениальный фильм! Я его даже часто смотрю не могу, потому что всегда плачу.

— А из художественных какие у вас любимые?

— Я придумал такую игру для себя — назови три самых любимых советских фильма. Три очень трудно выбрать! Я сказал: ну ответь сам себе честно. И назвал: «Обыкновенное чудо» Марка Захарова, «Цирк» Александрова и «Летят журавли» Калатозова.

Из окопа — в бой!

— Песни и музыка из ваших фильмов выхолят на звуконосителях. Вы что-то с этого имеете?

— У меня на это прав нет. Я бесправный. Я — приглашенный господин. Это достаточно грустная тема, как нас дважды употребили при советской власти и при анти-советской власти. К сожалению, никаких купонов ни с «Покровских ворот», ни с «Визита дамы» ни одной копейки нам не дали за кассеты.

— Козакову не дали ничего?

— Ни-че-го! Только при советской власти заплатили рубли — и все. Иначе я был бы богатым человеком. А я вынужден трудиться как рядовой режиссер.

— Может быть, это и здорово?

— Может быть. Хотя, скажу вам по секрету, я бы трудился, даже если бы у меня было много денег. А вообще у меня всегда творчество совмещается с попыткой заработать. Семья-то есть... А за мной никто не стоит — ресторанов, фабрик, знакомств нет.

— Как у вас сил-то хватает на все?

— Иногда я шучу, что борюсь с болезнями работой. У меня только за этот год было три операции на глазах. А что поделать? Год назад по слепоте я упал в люк прямо на сцене. Сразу за кулисами был люк в два метра глубиной и перед выходом на сцену я полетел туда по каменной лестнице. Меня оперировали в Израиле. Собирали по кусочкам.

— А как же спектакль?

— Я вышел на сцену с переломанми. И семь спектаклей подряд сыграл. Вообще говоря, я живу просто: из окопа — в бой.

Детей у меня много

— Расскажите о ваших детях.

— О! У меня их много! У меня

пять детей и пять внуков. Моя старшая внучка Даша недавно, в июле, вышла замуж. А дети — это Катя, Кирилл, Манана, Миша и Зоя. Старшей дочери за 40 уже, Кириллу 39.

— Он невероятно на вас похож.

— Миша Ефремов больше похож на отца, гораздо больше. А с Кириллом мы очень разные, если присмотреться. Манана, грузинская моя дочь, — актриса и играет по-грузински в Тбилиси. Миша, которому исполнилось 12 лет в начале сентября, и Зоя, которой шесть.

— Какие перспективы просматриваются у младшихных?

— Михаил очень музыкален, хорошо читает стихи, но сейчас увлекается математикой. Я был бы счастлив, если это всерьез. Я подумал, а вдруг у меня сын будет математик, я уже не увижу этого, но я был бы счастлив! А Зойка замечательно читает, она прочла все четыре тома

— Это было опасно?

— До какой-то степени, хотя... не будем преувеличивать. Тайно я крестился. По своей собственной воле.

— Вы ходите в храм, исповедуетесь, причащаетесь?

— Да, я хожу. Я не очень церковный человек, но я люблю мой храм Святой великомученицы Екатерины, где мы крестили Зою.

— Может быть, не стоит упоминать в газете название храма, чтобы народ не рванул туда брать у вас автографы?

— Не волнуйтесь, в этот храм ходят только интеллигентные люди. Я не очень хороший прихожанин, хотя ко мне там хорошо относятся батюшка. Хожу иногда и в другие храмы. Раньше часто ходил на Орлынку в храм Всех скорбящих, но отец Борис умер. Я его любил очень. Он крестил Кирилла, кстати.

— У вас все дети крещены?

что меня сломали в 56-м году, и я никому не причинил зла, кроме себя. И я написал сценарий «Мне Брамса сыграют» с предисловием и послесловием. Он опубликован в 7-м номере «Иностранной литературы». Это была самая болезненная тяжесть, которую я носил в себе много лет. В 79-м году я написал, но тогда это нельзя было публиковать, в 93-95-х дополнил и в 2002-м издал. И сделал я это не для людей, а для себя.

Это — родное

— Вы счастливый человек?

— Я обязан считать себя счастливым.

— Вы производите впечатление вполне счастливого человека.

— Просто у меня сегодня хорошее настроение. Я монтировал первые семь минут фильма, и мне кажется, что фильм получается. А вообще у меня бывают адские депрессии. У меня есть величайший христианский грех — уныние.

— А во время съемок бывает ощущение, что все — ничего не получается!

— В этот раз нет. Но были фильмы, которые я просто не заканчивал! В 87-м году у меня была трагическая история с «Пиковой дамой»: я снял половину фильма и затрел в ленинградскую психушку. Не получалось... Стало ломать...

— Что для вас родина?

— Я вообще-то ленинградец. Родился в Ленинграде и прожил первые 17 лет там. С родиной у меня так же не просто, как и с кровью. Во мне много кровей намешано — еврейская, греческая и сербская. Так и тут: родина — это Москва-Петербург. К Израилю я тоже очень хорошо отношусь, у меня большой сантимерт К Израилю, но главное, конечно, это Москва и Питер.

— Вы много путешествовали. Есть какое-то место в мире, которое вас потрясло?

— Очень много мест! Флоренция, Париж, Нью-Йорк, Мадрид... Иерусалим, Гроб Господень... Россию я объездил всю: я был в Ухте, Инте, Воркуте, Сахалине, Колыме, Владивостоке, Сыктывкаре, Байкале... На Байкале и омуля ел, и водку пил. Весь Союз объездил, во всех республиках был, правда, почему-то кроме Армении. Кстати, я народный артист, лауреат Госпремии, это все звания, но наград у меня не было никаких, ни одного ордена. И лишь единственной медали я был удостоен за всю свою жизнь — «За освоение целинных земель». И то я ее умудрился потерять... Но люблю я... свое Подмосковье. Три восхитительных знака! Это родное, дом.

— Вам спокойно здесь?

— Больше, чем где бы то ни было. Это не значит, что мне плохо было, допустим, в Канаде. Я люблю Канаду, попал туда еще в 57-м году на шекспировский фестиваль. Очень люблю Ниагары, окрестности Ниагары, озеро, и траву, и белок, и любимое мое дерево клен. И поэтому люблю кладбище, где лежит отец — Введенское кладбище, — оно все кленовое. И я там буду, потому что завещание написал.

— То есть вы... уже?

— Абсолютно. Волеизъявление мое — быть отпетым в церкви близким кругом друзей, нигде не выставляться и лечь с отцом, которого я обожал. Я потерял его в 20 лет и очень по нему тоскую. По маме тоже.

Козаков ставит на съемках нового фильма

Гарри Поттера в свои шесть лет. По-русски, сама. Еще непонятно, кто она, но она ужасно славная.

Грешен и каюсь

— Было ли у вас так, что вы упустили свой шанс?

— Я не люблю сослагательных наклонений. Я ни о чем не жалею. У меня жизнь была непростая и сейчас непростая. Противоречивая. Я оставлял жен, театры, страну, возвращался. У меня есть замечательные воспоминания о моей жизни. У меня есть грехи. Я много об этом всегда думаю, всегда во многом винил себя, и я умею каяться.

— Вы верующий человек?

— Я верующий.

— Вы христианин? Православный?

— Я крестился в 15 лет, еще при Сталине.

Нет. Миша — иудей. Ему сделали бритмилу, когда мы приехали в Израиль. Бритмила — это союз с Богом, в переводе на русский. Не так давно я спросил его: «Не хочешь ли ты креститься, милый?» Он сказал: «Я еще не готов».

— Это уже после бритмилы?

— Да, но на это я вам скажу, что и у Христа была бритмила. Это Сретенье, когда его принесли в синагогу. Так что Христос был обрезанный, что не помешало ему быть сыном Бога и основать великую религию.

Поэзия и проза

— Я слышал, вы пишете стихи.

— Только шуточные. Эпиграммы, если надо. Знаете, например, эпиграмму Валентина Гафта: Все знают Мишу Козакова, Всегда отца, всегда вдовца, Начала много в нем мужского, Но нет мужского в нем конца.

Козаков Михаил

М. 9. 02